

РАССКАЗЫ

МИЛЛИОН

реалистический рассказ о деньгах и счастье

С Николаем Ивановичем Огоньковым жизнь обошлась жестоко: все вокруг разбогатели, а он – нет.

То есть нельзя сказать, что Николай Иванович бедствовал, как некоторые из тех, кого он видел на улицах и по телевизору. Он не просил, сидя на пятках естественно подвёрнутых ног, подаяния на нуждающегося в операции сына; не жил без работы в сгнившем от ежегодных наводнений и не отапливаемом бараке; не перекрывал оживлённую магистраль, требуя от окружающей действительности немедленно погасить полугодовую задолженность по зарплате; не покупал на оптовых рынках поддельные дешёвые продукты и не стоял в очереди за пенсией каждый месяц в назначенный почтой день – нет, от всего этого Бог миловал. Просто Огоньков получал вполне приличные деньги в сфере не то что бы малого, но так себе бизнеса, работая, понятное дело, менеджером по продажам, но это были всего лишь приличные деньги, не больше. В то время как многие, да почти все его знакомые – Мимолётов, Сочиев, Фёдоров, Жутько, Виноградов, Шустерман – уже получили настоящие деньги, не приличные, а большие, и теперь были обеспечены навсегда, а не тряслись от страха, что контора накроется и вместе с нею накроется штука баксов... Ну, штука с небольшим, которую ежемесячно получал Николай И. Огоньков на свою, как у всех нормальных людей, пластиковую карточку.

А Мимолётов, допустим, или тот же Жутько хотя бы, они упаковались. Полностью обеспечили себя и свои молодые, но уже большие семьи – а чего третьего не рожать, когда бабки есть.

Проанализируем, к примеру, Мимолётова: что такого удивительного, оригинального и полезного этот Мимолётов, блин, сделал?

К тому времени, как утомлённая советская власть собралась грохнуться, достиг Андрюха Мимолётов обычной для его тогдашнего возраста карьерной вершины, то есть вечером как попало учился в химическом институте, а днём тоже нетяжело работал старшим лаборантом в химическом же НИИ, которое, как положено, пыталось сделать из обычного мазута абсолютное оружие против американцев и всего их агрессивного блока. Оружие пока не получалось, зато вырисовывалась очистка мазута до практически питьевого состояния с помощью ядовитого синего порошка, синтезированного в лаборатории профессора Блувштейна, который как раз свалил в Израиль, испугавшись безвредного общества «Память». Юный Мимолётов остался единственным в лаборатории мужчиной среди немолодых кандидатш наук, парализованных предчувствием грядущей свободы торговли и соответствующего приведения научных зарплат к реальной цене научных достижений.

И Андрюха не растерялся, но, напротив, предпринял ряд оказавшихся впоследствии весьма целесообразными действий. Прежде всего, он бросил вечерний

институт и зарегистрировал лабораторию как кооператив «Синий птиц», председателем которого тут же стал. После этого оставшийся от профессора на институтском складе в товарных количествах порошок погнал на продажу одновременно в две противоположные стороны – через Польшу, прямо бывшему потенциальному противнику в конкурирующую лабораторию «Блустоун Инк.», и в Дагестан, где порошок тут же стали использовать для производства спирта пищевого из ворованных по древней горской традиции нефтепродуктов. Совершенно не нужные при этом помещения лаборатории сдал вместе с кандидатшами в аренду своему приятелю, вышеупомянутому Жутько Игорю, который как раз сообразил открыть в этих помещениях видеосалон на базе привозившихся ему выездными партийными родителями кассет с фильмами «Эммануэль», «Глубокая глотка» и «Охотник на оленей»...

Что же в результате, через каких-нибудь исторически ничтожных пятнадцать-семнадцать лет, имеем мы, точнее, имеют Мимолётов, а заодно и Жутько? Мимолётов пару лет назад через ещё одного своего дружка Юру Шустермана продал контрольный пакет акций ЗАО «СПЪ» американской компании «Блустоун Инк. энд Шустер» и теперь живёт постоянно в Московской области, очень увлекаясь яхтами, прямо помешался на них. Жутько вкладывает большие деньги в кино, сам продюсирует от нечего делать. А Юрка Шустерман, кстати, вообще переселился в Майами, он как поднялся на своём досуге для состоятельных господ, так сразу и уехал от греха подальше. В совете директоров-то блустоунском быть Шустером всяко лучше, чем в пресненском СИЗО Шустерманом, хотя СИЗО, конечно, знакомо по мелочам ещё с семидесятых, а в Штатах буквально всё с нуля пришлось начинать...

И все они в большом порядке. Промелькнёт только, в соответствии с фамилией, Мимолётов по Рублево-, конечно, Успенскому шоссе, а за ним яхта на прицепе – и опять живёт частной жизнью за большим дачным забором, выстроенным ещё управлением делами ЦК КПСС. То же самое и Жутько – придёт на премьеру своего блокбастера в мятом пиджачке, потусуеться полчаса среди друзей, да и домой, к своим семейным ценностям, сосредоточенным в районе Истринского водохранилища. А Шустер с друзьями только раз в году встречается, в Альпах, да и то без большой охоты – у них, у американцев, не принято своим богатством хвастаться, и соседи в Майами, если узнают, что он ездит на такой дорогой европейский курорт, начнут коситься.

Вот. Теперь представьте себе, каково это – иметь таких старых приятелей, которые иногда даже звонят и спрашивают о жизни вообще, а самому бояться, что накроется контора и окончательно опустеет пластиковая карточка... Так что судьба Огонькову действительно выпала суровая, не позавидуешь. Хотя, с другой стороны, штука баксов, если задуматься, это ж немало, совсем немало! Пока она есть.

Но, как известно, чего боишься, то и случается. Контора не то чтобы накрылась, но сильно пошатнулась в связи с очередной революцией в сопредельном государстве, где у неё, конторы, были большие интересы. И Колю Огонькова вместе с другими менеджерами низшего и среднего звена отправили в неоплачиваемый отпуск – в то время как менеджеры высшего звена, называемые, как обычно, топ-менеджерами, ушли, натурально, в отпуск оплачиваемый и разлетелись кто куда по островам.

В отпуске Коля стал много спать, а перед сном мечтать.

Что ещё прикажете делать человеку в неоплачиваемом отпуске неизвестной пока длительности, если небольших накоплений хватит ещё максимум на месяц? При этом, заметьте, у Огонькова есть сестра-учительница, живёт в Орле, и бывшая жена, которой он, несмотря на взаимную бездетность, тоже постоянно помогает, поскольку её профессия дизайнера некоторых кормит очень даже неплохо и всё время приводит на экран телевизора, а бывшую Колину жену не кормит почти

совершенно никак и приводит исключительно в наркозависимость – она неталантливая, жена. Есть у него также головастая собака не совсем чистой породы бассет, которая спит на его кровати в ногах и вздыхает вместе с Колей, автомобиль отечественного производства, пошедший уже заметным рыжим цветом по низу дверей, и однокомнатная квартира, вовремя оставленная покойной тёткой – как раз к разводу.

Да: живет Н.И. Огоньков, конечно, в Москве – где же у нас, кроме Москвы, человек получает тысячу долларов в месяц и ещё о чем-то мечтает?

О, Москва, Москва, поразительный город! Кто только не живёт в нём, кто только не вдыхает жадно его несвежий, но прекрасный воздух, выдыхая вместе с азотом или чем там ещё свои страстные желания... Его колеблющиеся в горячем мареве башни и висащие в огненных закатах мосты, его слишком широкие, но непроезжие проспекты и изрытые тружениками благоустройства тротуары, его пыльные парки и памятники, размножающиеся, как кролики...

Всё это, отвратительное и чарующее, окутано жаждой обладания, исходящей от коренных и, главным образом, от приезжих жителей.

Все хотят её, эту блядскую Москву, наутро забывающую, что она обещала случайному обладателю ночью, когда он, горячечно вертясь на ложе бессонницы, планировал долгую совместную жизнь и отдалённое счастье.

Будь моею, Москва! Отчего же нет, дорогой? Пожалуйста. С удовольствием. Утро вечера мудренее, ты проснёшься и удивишь всех своим проектом (проект, проект, как же иначе! всё и у всех теперь проект), и они понесут тебе деньги, а ты отдашь эти деньги мне, Москве, и мы станем с тобой жить вечно, во взаимной любви... Спи.

И он спит, а утром – хрен ему вместо денег за проект! И бредёт он по Москве, все его толкают, и нет ему здесь места.

Вот и Николай Иванович лежит поздним вечером в постели вместе с собакой Борисом, названной так без какого-либо намёка. Дремлет, но не спит, так как за день выпался до головокружения, и мечтает, чтобы отвлечься от практических мыслей, абсолютно бесполезных, как и мечты, – чего ж думать, если ничего практически придумать нельзя, да уже всё и передумано...

Ну, Огоньков и планирует для безвредного удовольствия и постепенного засыпания, что станет делать, когда вдруг получит миллион.

Прежде всего он обдумывает, на какую машину сменит свой ржавый драндулет халтурной приволжской сборки, вот ведь уроды, ну, неужели же нельзя было прогрунтовать металл по-человечески? С одним миллионом, конечно, особенно не разгонишься, если взять, например, мерс или бимер новый, то десятой части денег как не бывало, а ещё ж нужно с жильем что-то решать... Сейчас все хвалят корейские машины, хорошие, говорят, и надёжные, а по деньгам почти как наши... Взять, допустим, тысяч за двадцать, так будет даже кондиционер... А на фига он нужен, кондиционер? Если не боишься шею простудить, можно своё окно и заднее правое открыть, вот тебе и кондиционер... Та же простуда, только на восемьсот баксов дешевле... Нет, точно, надо без кондиционера брать. И нашу. Говно наши, конечно, настоящее, зато в эксплуатации, считай, ничего не стоят... Например, можно свою отдать, доложить немного и купить такую же новую. По нашим-то дорогам лучше на нашем же железе и ездить. И сослуживцы завидовать не будут, когда из отпуска все вернутся... Нашу, только уж с гидроусилителем, это уж обязательно, пора на современную технику пересаживаться, пора...

Собака Борис, услышав Колин облегчённый вздох, тоже громко вздыхает, упираться всеми ногами в хозяина – потягивается.

А вот с квартирой надо серьёзно решать, думает Огоньков, так уже сейчас никто не живёт – комната шестнадцать, кухня пять. Но это ж бабки!.. Немереные. Если, предположим, брать в новостройке, монолит, две комнаты... Так там без

отделки – считай, ещё одну цену за ремонт заплатишь... В столик не уложишься, ужас! Плюс мебель. А иначе – нет смысла. Сколько ж тогда на жизнь останется? Так, по штуке... нет уж, по две, вот что! По две в месяц... До пенсии не дотянешь. Если только продолжать работать, тогда штука там, штука из своих – до восьмидесяти хватит... Кто ж тебя будет на работе держать до восьмидесяти? Смори, как бы в полтинник не выгнали, если вообще этот отпуск грёбанный когда-нибудь кончится, зараза! Ладно. Насчёт квартиры... Если брать однокомнатную, тогда, конечно, легче. Евроремонт сделать... Пусть общая площадь однокомнатной пятьдесят, это хорошая однокомнатная, сколько ж тогда ремонт?.. Да, порядком. А зачем, собственно, пятьдесят метров? Только Борьку гонять. Если сюда, в эту тёткину, половину вложить, стенку в кухне убрать, так будет студия, как в журналах на фотографиях... И, предположим, подгорели пельмени, и весь дым в комнате, на кой такая студия?.. Можно просто обои поклеить, плитку в ванной поправить, там две треснули... И живи себе, зато соблазна снова жениться не будет, нет уж, хватит такого счастья. А здесь за десятку можно такую красоту навести!.. Не хуже, чем в журналах.

Решив квартирную проблему, Огоньков опять облегчённо вздыхает, и Борис вздыхает в ответ.

Вот придётся надо, это точно, планирует Николай Иванович, начиная уже, наконец, засыпать. Хороший у шефа костюм, в тонкую полоску, пиджак на трёх пуговицах, сзади два разреза, как у президента. Сколько такой стоит, интересно? Только уж не на рынке, дудки, хватит дрянь турецкую носить. Прямо пойти в этот бутик напротив, вон в окне от его вывески синий свет, там всё и взять – рубашек, галстук, ботинки с такими носами, как у джокера карточного... Нет, всё-таки гадость эти ботинки, надо такие... мягкие и без носов... как у того Фёдорова, который из отдела маркетинга... Хорошо Фёдорову, у его жены свой бизнес, можно ботинки покупать какие хочешь, если вообще вся зарплата только на себя...

Или жениться? Не обязательно же на дизайнера, можно просто... Ну, четыре в месяц, ну и что? До пенсии хватит, и чёрт с ним. Едешь с женой в новой машине, приезжаешь в свою двухкомнатную после евроремонта, как человек, телевизор приспай, кухня из букового монолита... Э, нет, так сразу всё вылетит, не то что в миллион, в два не уложишься, а где их взять, два?

И один негде взять, вспоминает, окончательно засыпая, Огоньков. Эх...

А Борис, как положено собаке, уже давно спит, потому что его мечты короче, и он твёрдо знает, что утром они осуществляются в том углу кухни, где стоит сейчас временно пустая пластмассовая тарелка.

Светится небесным светом и магазинной вывеской окно.

За окном, в ночном невидимом воздухе клубятся мечты.

Это они, мечты наши, плывут там, время от времени заслоняя дымными серебристыми тенями луну. Сталкиваясь высоко в воздухе, как, не дай бог, самолёты, ведомые усталыми диспетчерами, мечты распадаются и рушатся, и жертвы этих катастроф лежат в своих постелях, засыпанные невесомыми, но неподъёмными обломками грёз. Одного придавило миллионом, которого нет и не будет, другой слабой задело и навек изуродовало, третьего любовью трахнуло еле не насмерть... Боже мой! Только в Москве десять миллионов пострадавших в еженочных катастрофах, и буквально ж ни слова в новостях... С другой же стороны – разве это новость? Так было и будет, и никто не даст миллиона, и слава достанется идиотам, и любовь покинет, оставив от себя пустое место, фантомную боль, и по всему невообразимому миру будут лежать, страдая ночь за ночью, потерпевшие в крушениях мечт...

Нет, «мечт» – так нельзя сказать. «Мечтания» же – это другое слово... Вот ведь ужас! И сказать-то толком о самом главном нельзя, не позволяет русский язык.

А, ладно. Жить-то надо.

Николай Иванович Огоньков спит, совершенно не предполагая, что утром ему позвонят из службы персонала и сообщат, что неоплачиваемый отпуск кончился, пора выходить на работу, где его ждёт лишь немного уменьшившаяся зарплата и истомившиеся, как и он, сослуживцы. Огоньков будет ехать в своей ржавой машине, стоять в пробках, опоздает на десять минут, но, к счастью, в послеотпускной весёлой суете этого никто не заметит, а он, вдруг вспомнив свои ночные размышления, порадуеться, что всё разрешилось так удачно.

Ведь с миллионом-то особенно не разгонишься, а? То-то и оно.

СОКРОВИЩЕ

ещё один рассказ о деньгах и счастье

Дом начали сносить ранним весенним утром, при беспощадном свете, падавшем на город с ещё холодного, но уже высокого неба. В этом свете прекрасно выглядела японская и скандинавская тяжёлая техника, почти вся жёлто-красная. Утренний мир искажённо отражался в поверхностях её важнейших деталей, сделанных из полированной нержавеющей стали, и в выпуклых стёклах кабин. Техника пускала сиреневый дым с тонким, слегка ядовитым химическим запахом и сдержанно, пока вхолостую, рычала.

А дом, жильцы которого давно его оставили, выглядел ужасно, как запущенный в районной больнице старик-пациент. Пыльные окна смотрели серыми катарактами, стены были покрыты лишаями плесени, настёжь открытая дверь косо висела на одной петле, и в чёрном провале подъезда проглядывала сломанным протезом лестница с вырванными через одну ступенями и арматурой вместо них. От дома метров на двадцать несло едкой сыростью и затхлым дыханием распада.

Естественно, такой дом необходимо было снести как можно быстрее. За ним уже толпились, очевидно тяготясь неподобающей второплановостью, высотные новостройки. Хорошо промытые стеклопакеты брезгливо глядели поверх проваленной, косо съехавшей крыши нищего соседа, в зеркальных двухэтажных стёклах пентхаусов стыла окружающая пустота, которой предстояло скоро наполниться этажами еще одного корпуса, под него и освобождали поляну.

Здесь автор самонадеянно позволит себе отвлечься и объяснить, откуда взялось это выражение – «освободить поляну». Недавно по телевизору, в какой-то сравнительно культурной программе, то есть без светских девушек и депутатов, один приятель автора вел интеллигентную беседу с молодым коллегой. Ну, конечно, на приятеля смотреть было интересно и тревожно, как бы чего не ляпнул, но он как раз всё говорил толково и внятно. Мол, главное, чтобы не порвалась связь времен, чтобы младая жизнь играла там, где ей положено, потому что всё проходит, но искусство вечно, и его надо бы передать в надёжные руки – в общем, вполне по-доброму. И тут юноша перебивает собеседника и говорит буквально следующее: «Короче, освободить поляну пора, вот что. Убирайте свой отстой, папки – и досвидос». Кто не верит, что были употреблены слова «отстой», «папки» и «досвидос», тот может посмотреть запись передачи, домашние приятеля сделали... Однако на мэтра наибольшее впечатление произвели даже не загадочные, но очевидно грубые слова, а образное выражение насчет поляны. Горестно качая головой, потерявшей большую часть волос на полях сражений за чистое и вольное искусство, и тряся поседевшей в этих же боях бородой, он всё повторял: «Освободить поляну, значит... Что ж им, места не хватает, что ли?» Вот и автор с тех пор всё никак не выкинет из головы это страшное, неотвратимое «освобождение поляны» – и вставил его в текст, как только нашлось первое подходящее место.

Впрочем, не будем о грустном, продолжим описание смерти.
Дом умирал тяжело и неохотно.

Ковш на толстом выдвигном стержне плыл в уже полном дневного сияния воздухе и мощно ударял в ветхую стену. Однако стена, вопреки очевидной безнадёжности сопротивления, лишь осыпала грязную штукатурку, обнажая жёлтую, удивительно свежую дранку. Ковш, яростно скалясь всеми своими японскими зубами, снова и снова врезался в стену, но рухлядь поддавалась медленно, роняя в облаках удушливой пыли небольшие, с неровными острыми краями осколки намертво сцепившихся кирпичей... Наконец открывался пролом, в котором возникла комната, похожая отсутствием четвёртой стены на реалистическую театральную декорацию. Изнутри комната была на треть высоты покрашена голубой масляной краской, далее шла штукатурка, потолка, как и положено декорации, помещение не имело вовсе. Резко очерчивались светлые прямоугольные пятна от настенных календарей, семейных портретов и выпускных школьных фотографий в рамках, которые здесь, вероятно, долго висели. Распахнув дверцу с зеленоватым зеркалом, сползал к краю провисшего пола платяной шкаф из облезлой фанеры, и любопытный наблюдатель с особо острым зрением мог рассмотреть в его тёмных недрах несколько забытых одежек на проволочных плечиках. Там висели допотопный мундир советского офицера с золотыми выгнутыми крылышками погон и стоячим воротником, синее длинное панбархатное платье со сборчатым лифом и неожиданная детская стёганая нейлоновая куртка, залетевшая сюда уже в поздних восьмидесятих, когда владелец был сдан деду с бабкой на время дальней родительской командировки. Автору известна хозяйка одной изысканнейшей галереи, которая за старые тряпки дала бы вполне приличные современные деньги... Но поздно – шкаф ползёт по рассыпающемуся полу и рушится с высокого четвёртого этажа в огромную, дымящую пылью, кучу мусора, а за ним летят колченогая кухонная табуретка, мягое коричневое эмалированное ведро без ручки и виляющий пёстреньким, в матерчатой оплётке шнуром уют. Только узкая кушетка, покрытая гэдээровским гобеленом с оленями, ещё отчаянно жмётся к стене, но и ей не устоять.

Покинем же их, пассивно освобождающих поляну (вот прицепилось-то!), и обратимся к активно действующему именно в этот момент персонажу – к механику-водителю разрушительного механизма, уже догрызающего верхний, четвёртый этаж и примеривающегося к третьему.

Этого молодого приезжего человека зовут, знакомьтесь, Михаил. Фамилия его автору неизвестна, а будь и известна, так здесь её не стоит приводить, учитывая последовавшие события. Мишка, как его ласково называют решительно все знакомые, включая не только сменщика Константиныча (полностью – Арсена Константиновича) и диспетчера Нину, но и начальника колонны Николая Ивановича Огонькова, специалист первоклассный. Профессиональным мастерством и объяснялся в своё время приём иногороднего, южанина с акцентом, не имевшего собственной жилплощади и даже постоянной регистрации, на работу в солидную фирму ЗАО «Демонтажспецносреконструкция». Здесь механик-водитель крана-экскаватора немедленно зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, будучи совершенно непьющим, включая пиво, и безотказным хоть две смены подряд. Здесь же, в сплочённом коллективе работников ЗАО, среди шофёров-экспедиторов, сейчас выстроивших свои гигантские самосвалы в очередь за строительным мусором, среди вооружённых смертоносными отбойными молотками и рукопашными короткими фомками рядовых разрушителей-демонтажников, среди дизелистов-операторов компрессора и обычных грузчиков-такелажников с отечественными совковыми лопатами – здесь мы и встречаем Мишку.

День близится к обеденному, а затем и к послеобеденному тёплому времени. От дома уже остаётся пустой остов с дырами окон, ведущими в небо, и скалистым

верхним контуром. Всё вместе это напоминает жестокий реализм военных фотографий и, окажись здесь современный суровый художник светотени, тоже обязательно стало бы произведением искусства, с безжизненной, но как бы одухотворённой руиной на фоне безжизненных же и даже бездушных новостроек. Актуальному искусству присущ такой антибуржуазный пафос, и его, несмотря на некоторую плакатность, могли бы оценить по достоинству на какой-нибудь выставке — да хотя бы и в упомянутой модной галерее, где сегодня устраивают аукцион предметов тоталитарного быта, а завтра, глядишь, уже и вернисаж какого-нибудь нового романтика-живописца... Но нет поблизости остроглазого фотохудожника, исчезающая натура исчезает впустую и бесследно, а дело, между тем, идёт к пересменке. Константиныч уже приехал вместе с другими свежими трудящимися, они вылезли из специального микроавтобуса, в котором закрытое акционерное общество шикарно возит на смену свои квалифицированные кадры, и бродят по фронту работ, прикидывая, уложат ли, как намечено, в смену полное уничтожение объекта и вывоз останков.

Пока вновь прибывшие осваиваются, Мишка спускается из комфортабельной импортной кабины и, пожав руки всем товарищам по труду, присаживается покурить на древнюю прикроватную тумбочку коммунально-больничного типа. Тумбочка эта грохнулась с третьего этажа от очередного удара ковша, однако не рассыпалась в щепки, отдадим должное советскому некрасивому, но прочному изделию, а лишь отлетела немного в сторону и теперь лежит на боку, откинув перед собой узкую дверцу. Мишка сидит на этом скромном предмете мебели, относящемся к середине прошлого века, курит сигарету и ни о чём не думает, глядя исключительно на покрытый мелкой розовой пылью асфальт между его рабочими кроссовками без шнурков, немало пожившими вплоть до полной потери цвета, формы и размера.

И вновь автор разрешит себе отвлечься, рискуя вниманием читателей. Собственно, им рискуешь в любом случае, будешь ли продолжать последовательное описание производственного процесса или обратишься к рассуждениям о бренности всего сущего и жестокости тех, кто идёт следом, торопя нас и подталкивая. Так давайте же свернём ненадолго в сторону от магистрального повествования и погрузимся во внутренний мир героя. Мир этот для нас совершенно постижим, поскольку автором и придуман во всех подробностях, к тому же весьма невелик и несложен по устройству. В нём есть несколько главных составляющих — во-первых, мечта о постоянной столичной регистрации; во-вторых, план переселения из полуполюгального общежития в собственную комнату, которую можно купить благодаря жестоким самоограничениям в тратах, кроме как на макароны; в-третьих, непреодолимое желание создать семью с диспетчером Ниной, ради чего, собственно, нужны и регистрация, и комната, и вообще всё, включая макароны для поддержания сил не в ущерб сбережениям. Всё нужно исключительно ради Нины, диспетчера колонны, девушки примерно Мишкиных лет, ради её крепкой небольшой фигуры и бледного лица, осеняемого скупой аккуратной причёской из желтоватых по западнославянской природе волос. Мишка уже второй год очень её любит, эту Нину, и она любит его, Мишку. Но взаимное чувство пока расцветает в коридоре общежития, переделанного из детского сада, в дальнем его тёмном конце, за штабелем маленьких стульчиков и столиков, однажды рухнувших среди ночи с неприятным шумом. Перспективы у таких отношений, согласитесь, недалекие, поскольку многие любви и прежде погибали от жилищного неустройства, и сейчас каждую минуту погибают, и в конце концов плюнет желтоволосый диспетчер на всё, да и выйдет за Руслана-бульдозериста!

У этого Руслана в Перове родная тётка, сильно пожилая и уже зарегистрировавшая его в своей однушке. Тетка даже почти готова и завещание оформить по всем правилам, только очереди у нотариуса большие. А сам Руслан согласен в

любой момент на Нине официально жениться, хотя всё, конечно, про Мишку знает. Но дело в том, что до Мишки, когда он ещё и не поступил в ЗАО «Демонтажспецснореконструкция», и даже в Москву ещё не приехал, у Руслана с Ниной было, так что всё может вернуться к прежнему, того гляди вернётся.

Жизнь, господа, везде бушует, трагедии разыгрываются, и везде страсти жгут человека огнём, что в коттеджном посёлке по самому что ни есть моднейшему шоссе, что в бывшем детском саду, переделанном под общежитие для иногородних рабочих, гаст, как говорится, арбайтеров.

Кстати, вот только теперь в рассказе однозначно определилось, что действие происходит в Москве. Вспомнил автор, наконец. Но, с другой стороны-то, а где оно ещё может происходить? Где ещё приезжие сносят коренные дома, чтобы построить новые, тоже для приезжих? Где ещё все люди постепенно становятся местными, будучи – кто много лет назад, а кто и совсем недавно – гостями? И где ещё сияет всем поровну огромное пустое небо города-страны, равнодушное и к вам, и к автору, и ко всем, уже поселившимся или только мечтающим поселиться под этим сиянием, особенно ярким весной, когда дуют везде зябкие ветра любви?..

А теперь ненадолго вернёмся к месту демонтажных работ. Мишка докурил и, слегка наклонившись вперёд, старательно давит бычок непобедимой кроссовкой. При этом взгляд его случайно падает в тёмные глубины тумбочки и обнаруживает там нечто ещё более темное, неопределённой формы, едва видимое. Мишка засовывает руку вглубь и вытаскивает это нечто, не поддающееся простому определению.

Наиболее точно можно было бы назвать извлечённый предмет школьной сумкой для сменной обуви, смущает только незнакомство некоторых читателей со старинными вещами... Итак: небольшой прямоугольный мешок из плотной серой ткани, некогда называвшейся «сатин бумажный», с верёвочкой для стягивания, продёрнутой по верхнему краю в матерчатый тоннельчик. Не самые лучшие годы своей жизни автор ходил в школу с такой сумкой. Иногда в ней болтались китайские кеды «Три мяча», иногда, напротив, по дороге в школу она была пуста, а по приходе заполнялась грязными галошами и вместе с ними вешалась на крючок в раздевалке. Ещё хорошо получалось треснуть таким обувным вместилищем, когда оно было в заполненном состоянии, кого-нибудь по голове – с немедленным, натурально, получением сдачи той же монетою. А в мирное время верёвка просто перекидывалась через плечо, разгильдяи же тащили за неё сумку по грязной дороге.

Мишка уже собрался было распустить верёвку и заглянуть в сумку, странно чистую по нынешним обстоятельствам, но тут его позвали в микроавтобус, чтобы ехать в контору на предмет закрытия наряда. Он сунул сумку подмышку, так что никто, вроде, и не заметил приобретения – не хотелось почему-то, чтобы увидели его с найденным барахлом, – и побежал занимать заднее сиденье. Там он оказался один на широком диване и, как только машина тронулась (внимание, читатель! мы навсегда покидаем место сноса), принялся изучать внутренности находки.

Прежде всего обнаружили, как и следовало ожидать, детские галоши из твёрдой тускло-чёрной резины в разводах давно смытой грязи, с красной байковой, в ключья рваной подкладкой. Мишка вытащил галоши и поставил их рядом с собой, после чего сунул руку в сумку снова и достал оттуда менее заурядную для такого места хранения штуку, а именно старую куклу.

Устроена эта игрушка была следующим образом: голову и верхнюю часть груди (скульптуры такого рода двусмысленно именуются «бюстами») в баснословные годы изготовили из вскоре забытого материала «целлулоид», нарисовали неустойчивой краской голубые глупые глаза и оранжевый рот сердечком, да и пришили четырьмя неровными стежками к тряпичному телу. Тело обладало всеми положен-

ными человеческому телу частями, то есть двумя руками, двумя ногами и туловищем, однако в самом общем виде, как обычно изображают на карикатурах: кисти вместо пальцев заканчивались пятью короткими отростками, стопы пальцев вообще не имели, а всё вместе чем-то напоминало полкило сосисок одной гирляндой, скрутившейся в причудливую фигуру. Никаких вторичных, а тем более первичных половых признаков телу придано не было, хотя, согласитесь, изобразить именно в такой технике мальчика не составило бы никакого труда. Оставалось предположить, что изобразили девочку. Мельком и со смущением об этом подумав, Мишка продолжил обследование мешка, убедился, что он пуст, и начал проделывать всё предшествовавшее, но наоборот. То есть воткнув в мешок куклу вперёд головой, начал запихивать туда и галоши, чтобы потом всё это выкинуть в большой железный мусорный ящик, всегда стоящий у дверей конторы... Но в этот миг что-то заставило его сунуть руку сначала в недра одной, а потом и другой галоши – и не зря: со второго раза пальцы нащупали туго вбитую в носок круглую картонную коробочку. Еле ухватив, Мишка вынул её.

Коробочка имела форму гриба с очень толстой ножкой и выпуклой шляпкой с едва выступающими краями. На шляпке была натуралистически изображена роза и сделана надпись как бы от руки, с завитушками: «Утро». А совсем мелкими и печатными буквами разяснялось: «зубной порошок». Шляпка оказалась крышкой коробочки, снять её Мишке удалось опять же с некоторыми усилиями. Внутри, как он и думал, никакого зубного порошка не нашлось – он, правда, слабо представлял, как этот порошок выглядит, потому что всегда, с детства, чистил зубы какой-нибудь недорогой пастой. Вместо же порошка коробочка была заполнена старой жёлтой ватой с торчащими из нее мелкими щепочками, а посреди ваты лежало женское кольцо. Мишка немедленно примерил его на палец – оно с трудом налезло на ноготь мизинца – и стал украшение рассматривать.

Смотреть-то особенно, следует признать, было не на что. Обычное жёлтое кольцо типа красноватой латуни, с белым, алюминиевым, наверное, колечком оправы, в котором отливал, даже как-то горел яростным синим огнём прозрачный, довольно большой, почти с Мишкин ноготь, камень. Или, скорее, кристалл, вроде бы и прозрачный, но увидеть сквозь него ничего было нельзя, потому что он весь переливался мелкими плоскостями, именно как кристалл с картинки из учебника не то химии, не то физики, Мишка школьную науку уже помнил слабо. В общем и короче говоря – женский подарок. Ясно представив, как вечером, за штабелем детской мебели, при свете, падающем через окно от фонаря возле заброшенной песочницы, он вручит колечко любимому диспетчеру, Мишка здорово обрадовался. Он уже расстегнул нагрудный карман комбинезона с эмблемой ЗАО (в виде кремлёвской башни, торчащей из кузова грузовика), чтобы спрятать туда симпатичную мелочь, но что-то толкнуло его под руку, и он, не понимая, зачем, провёл гранью кристалла по стеклу в боковом автомобильном окне.

На стекле осталась глубокая царапина.

Вот, собственно, и всё. Вряд ли следует продолжать это сочинение, ведь вы уже догадались, что конец у него будет не просто счастливым, но невероятно, сказочно счастливым, какой и положен сочинениям подобного рода. Поэтому изложим всё далее случившееся конспективно, исключительно для очистки совести автора и для удовлетворения самых недоверчивых читателей.

Нина, само собой, проявила куда большую сообразительность, чем Мишка, и царапать окно, выходящее на песочницу, не стала – ей хватило синего пламени, которым горел кристалл. Откуда женщины, даже диспетчеры механизированной колонны, всё это знают?! Но ведь знают откуда-то, и сразу всё понимают безошибочно, и долго крутят перед своими безумными глазами свой драгоценный палец, и синий огонь отражается в этих глазах...

Сообразила она и оторвать голову от тряпичного кукольного тела. И еле успела подставить руки под кольца с зелёными и синими кристаллами, под цепи и серьги, подвески и броши...

Не будем Нину судить – владельцы клада, конечно, давно переселились не только из снесённого дома, но и вообще далеко-далеко; нести же всё в милицию и оформлять потом положенные двадцать пять процентов – ну, это уж совсем что-то несуразное. Как будто в милиции не люди сидят...

Они купили неплохую, с расчётом на будущих детей, квартиру как раз в том доме, который выстроили на месте снесённого. Солидный дом – монолит, охраняемая территория...

Мишкина регистрация как-то незаметно устроилась, это вопрос решаемый. И с постоянной регистрацией Мишка немедленно завёл свой бизнес – купил старенький экскаватор и два самосвала камазовских, обслуживает дачников, которые попроще, дело тихое, но верное...

В семейной гостиной, на заметном месте в буфете из неплохого гарнитура, отечественного, но по лицензии, у них стоят детские галоши, картонная коробочка из-под зубного порошка и целлулоидный бюст куклы...

Руслан, побывавший в гостях, как положено, с бутылкой игристого розового и конфетами в коробке, удивился – надо же, такую чепуху в сервант поставили, как будто на хрустальные бокалы не хватает...

А хозяйка той самой галереи, которая дважды упоминалась выше, купила себе студию в этом же доме и тоже зашла как-то, просто по-соседски, и удивилась изощрённому вкусу милых, но, в общем, не очень продвинутых людей...

От неё автор и узнал про странные безделушки, прочее же вымыслил.

Только не следует поэтому думать, что всего описанного не было на самом деле.

КОТ

совершенно невероятный, но жизненно правдивый рассказ

Отвратительным осенним вечером, когда с московского неба падала такая же серая грязь, какая расплзлась под ногами, возле станции метро «Белорусская-кольцевая» остановилась, нарушив все мыслимые правила дорожного движения, прямо на пешеходной зебре, машина-джип марки «Гранд чероки». Толстые дверцы машины тяжело раскрылись сразу со всех сторон, и из неё вышли три товарища...

Вот вам, пожалуйста, начало рассказа, полюбуйте. Руки бы пообрывать такому рассказчику! Во-первых, кто же начинает сочинение со слова «отвратительный»? Зачем? Чтобы ухудшить и без того далеко не радостное настроение читателя, свергнуть его ещё глубже в депрессию, от которой мы все и так постоянно страдаем? Посмотрит человек на такое начало, да и бросит чтение, и прав будет. Ничего хорошего нельзя ждать от рассказа, начинающегося таким образом. Почему грязь, где это видано, чтобы грязь падала прямо с неба, даже и в нашем трудном климате? Зачем здесь джип и к чему он обозначен ещё дополнительно «машиной»? Что, разве бывают джипы, не являющиеся в то же время автомобилями? Зачем эти утомительные подробности – «Белорусская» и именно кольцевая, «Гранд чероки»? Мало разве указывали специалисты-критики на излишнюю описательность и неоправданное внимание к деталям, маркам, названиям? И при чём здесь три товарища? Если это аллюзия, если нам Эриха-Марию Ремарка суют под нос, так зря, сгинул этот Эрих-Мария в волнах литературного прошлого, никто его сейчас не вспоминает, кроме полоумных шестидесятников. А если «товарищи» употреблены в древнесоветском смысле, вроде как «группа товарищей», то вообще зря – ни к селу, ни к городу. Неплохо, правда, получилось определение дверей дорого-

го автомобиля словом «толстые», удачное определение, ничего не скажешь. Но и в нём есть нечто манерное, нечто от пресловутого поиска единственно верного эпитета, который был рекомендован господам сочинителям ещё такими столпами советской литературы, как Олеша Юрий Карлович и Катаев Валентин Петрович. У кого-то из них, кажется, было написано про слово, которое должно входить во фразу туго и со щелчком, как обойма в пистолетную рукоятку...

Ладно, хватит. Ничего переписывать не будем. Сказано вам – осень, вечер, дождь с первым снегом. Трое мужчин идут от машины к ларьку возле метро – вероятно, чтобы купить там сигарет или ещё какую-то срочную мелочь. Все трое крепкого телосложения, в кожаных хороших куртках и с маленькими сумочками (ранее грубо называвшимися пидарасками, а теперь, по-культурному, барсетками) в руках. Хозяина машины зовут Игорем, он средний предприниматель без образования юридического лица, а друзей его простые имена Аслан и Борис, они временно неработающие гости столицы и вскоре после окончания нашего рассказа покинут её навсегда, чтобы более уже нигде нам, слава богу, не встречаться...

Итак, они идут.

А вокруг своим чередом идёт обычная жизнь, всегда идущая возле станций метро.

Старушки, из которых одна, самая бойкая и покрашенная, как мятая кукла, опирается на костыль, энергично продают несвежие цветы в мятом целлофане;

работники милиции в серых ватных куртках, делающих любого представителя закона толстозадым, как «барыня-на-чайник», проверяют документы у приезжего юноши с клетчатой, величиной со шкаф, сумкой;

нечистые и даже издали плохо пахнущие мужчины и женщины с разбитыми дочерна лицами сидят на сыром каменном бордюре, зачем-то окаймляющем забросанное окурками полукруглое пространство – задуманное, вероятно, в качестве клумбы – между дверями станции;

юноши в широких штанах встречаются с девушками в коротких куртках, из-под которых выглядывает голый не по погоде живот;

среди бомжей-людей озабоченно бегают собаки-бомжи, клокастые и неприветливые от голода;

от киоска, торгующего шаурмой, доносится тошнотворно-пищевой горячий запах;

и стекляшка с аудио- и видеопродукцией распространяет надо всем нечеловечески громкую и чрезвычайно противную музыку про девчонку, которая не любит исполнителя...

Такова жизнь, господа, такова жизнь. И никто из вас не решится сказать, что краски здесь сгущены. И похуже бывает около метро. Бывает, что и лежит кто-нибудь из недавних здешних обитателей прямо в грязи, неприятно закинув голову, а из-под затылка этой головы ползёт, расплываясь в снежной слякоти, тёмное пятно, и белый фургончик с красным крестом стоит прямо посередине тротуара с уже распахнутыми задними дверями. Такова жизнь, уважаемые господа, точнее, в данном случае, такова смерть...

Итак, сцена возле метро.

Среди бродяг и нищих на вышеописанном бордюре сидела в тот вечер одна интересная пара – впрочем, никто до поры до времени на неё внимания не обращал, хотя пара была даже и для здешних мест странная.

Человечество в этой паре было представлено молодой дамой из тех, какие обыкновенно бывают в подобных местах. Ноги их, обутые, как правило, в рваные туфли на высоких, стёртых до железа каблуках, поражают небрезгливого наблюдателя худобой, из-за которой жуткие, нередко мокрые по физиологическим причинам колготки закручиваются вокруг пропитых этих ног винтом...

Тут необходимо сделать одно отступление антропологического характера. Замечали ли вы, что у сильно пьющих женщин, хоть принадлежащих к социальным отбросам, хоть к богеме, ноги обязательно истончаются, и колготки на них непременно закручиваются винтом? Причём колготки именно мокрые, поскольку сильно пьющие женщины ещё чаще, чем такие же мужчины, оказываются неспособны контролировать естественные отправления своего организма...

Ну, дальше. Короткая и сверхестественно грязная джинсовая юбка сильно открывает эти тонкие и, скажем прямо, кривые ноги, а поверх юбки и толстого длинного свитера кошмарной зелёной окраски надета огромная мужская куртка из вытертой местами добела свиной кожи. Голова непокрыта, отчего видны слипшиеся, светлые с тёмным у корней редкие волосы. Лицо, если внимательно присмотреться, даже вполне миловидное, с коротким ровным носом, пухлыми губами и большими глазами, вроде бы карими, но кто ж будет присматриваться к такому лицу... Если же не присматриваться, то виден только фингал, занимающий всю щеку и часть лба над глазом, да короста засохшей крови на другой щеке, свезённой, вероятно, об асфальт при очередном падении...

Итак, готов портрет героини.

На коленях же у неё спал кот.

Кот этот, опять же если присмотреться, принадлежал к редкой и красивой породе, которую некоторые кошачьи энциклопедии определяют как бирманскую, а мы, для простоты и понятности, назовём сямской, только пушистой. То есть лицо и концы рук и ног у него были, как у всякого сямского, тёмно-коричневые, почти чёрные, а туловище понемногу от конечностей светлело и в основном переходило в цвет кремовой – впрочем, в данном конкретном случае, чрезвычайно грязной. Обычно коты и кошки такой расцветки глаза имеют голубые, шерсть короткую и гладкую, хвост тонкий и на самом конце загнутый кочергой. Однако рассматриваемый нами кот был очень пушист, а потому, в бездомных и скудных условиях жизни, дран и растрёпан, включая и хвост, глаз же его не было видно вовсе, поскольку он, свернувшись в форме духового музыкального инструмента валторны, крепко спал, так что вместо глаз у него были чёрточки.

Тут приходится опять прерваться для постороннего грядущему сюжету, но мучающего душу рассуждения. Откуда, спрашивается, у девицы уличного нетрезвого поведения и бесприютной жизни мог взяться такой породистый, пусть и неухоженный, но явно аристократический кот? А кто ж его знает... С другой стороны – откуда и сама такая девица взялась, откуда вообще берутся такие девицы возле станций метро, вокзалов и в других местах скопления горожан? Кем была она в раннем своём возрасте, ещё ребенком, и как сделалась к юности пьющей, морально и физически нечистоплотной? Многие склонны винить в подобных грустных приметах современной нашей жизни наступившие уже порядочно лет тому назад свободу и рыночные отношения. И на первый раздражённый взгляд так оно и есть, во всяком случае, прежде, до свободы, бомжей в таком количестве у нас не водилось. Но это только на первый взгляд, раздражённый, как было сказано, а потому неверный. Свобода-то действительно виновата, но только в том, что такие люди стали заметны, потому что не гоняют их больше ограниченные правами человека менты, не собирают неуклонно, как раньше собирали, и не отправляют за сто первый километр, как было установлено советской властью. Часть же людей, имеющих природную тягу к бездомному бродяжничеству, неопрятному пьянству и нищенству, всегда и везде примерно одинакова, и ничего с ними не сделаешь. Иначе в социально обеспеченном каком-нибудь Париже, к примеру, где уже давно миновал дикий и жестокий капитализм, а наступил гуманный и прибранный, где любому только за то, что он существует, платят пособие большее, чем зарплата моего знакомого московского профессора, клошаров не было бы вовсе – а они ж, пожалуйста, существуют. И один, кстати, всегда спит на краю площади Бобур,

прямо перед Центром Помпиду, похожим на вредный химический завод, но являющийся храмом современной культуры. Он и сейчас там спит... Или, допустим, в Лондоне, где тоже о бедных людях заботится богатое общество, не лежал бы на Пикадилли-серкус, рядом со столовкой «Бургер-квин», весёлый нищий пьяница в спальном мешке, из которого, рядом с его головой, выглядывает умная голова настоящей таксы. Собака серьёзно глядит на бумажный стаканчик для денег, уставленный как раз перед её носом ради сентиментального воздействия на сочувствующих животным британских прохожих... Словом, ничего с такими людьми не сделаешь. Хотят они жить на обочине, в грязи и безобразии, просто даже не могут иначе жить, и никак их на нашу дорогу, по которой несёмся мы за удобствами и приличиями, не втащишь...

Итак, спит кот.

А предприниматель Игорь останавливается, словно, позволим себе выразиться в старом романтическом стиле, поражённый громом.

Дело в том, что этот молодой ещё мужчина был подвержен душевной слабости, более свойственной обычно пожилым женщинам, а именно: он очень любил кошек. Людей он любил гораздо меньше и даже, сказать по чести, совсем не любил. А за что их, козлов, любить, если они конкретно беспредельничают? Постоянно наезжают в смысле отстёгивания с дохода, причём вообще оборзели и берут, независимо ни от чего, когда штуку, а когда и две. Хотя всего-то бизнеса у Игорька – это один ряд таких же ларьков возле станции Красково, и крышуют его сами менты. Однако этим отмороженным на всё ложить, и они не то что ментов не уважают, но ещё и прикальваются: ты ментам, чмо, платишь штуку? так не в падлу будет нам две отдать, или ты ментов уважаешь больше, чем реальных пацанов?.. В общем, козлы и есть козлы, и даже авторитетные по жизни Аслан и Борис не помогают, хотя обещали, но пока только ездят на Игоревом джипе и пьют его пиво... Так что к людям Игорь ровно дышит, а вот кошек обожает буквально. Всегда замечает их, проскальзывающих по нижнему краю зрения, никто не замечает, а он обязательно, ещё и оглядывается... И дома у него, в посёлке Малаховка, где на улице Фрунзе он построил под голландской черепицей коттедж и обшил его сайдингом, жила кошка, но пропала. Хорошая была кошка по имени тоже Барсетка, потому что сначала думали, что она кот и назвали соответственно Барсиком, а потом определили, наконец, что кошка, но уже поздно было. Мама Игора, Марина Ивановна, которая при нём, холостом, жила для хозяйства и от одиночества, её называла просто кошкой, потому что имя Барсетка ей не нравилось. Но кошка ни на что не откликалась, была животным серьёзным и самостоятельным, глядела синими глазами хмуро, от погладившей руки отстранялась, изгибаясь с брезгливостью, а гуляла по соседним участкам, как хотела, и два раза в год рожала отличных котят. Котят Игорь топить не хотел, да никак по своей любви к ним и не мог, а, надевши от неудобства рваную огородную телогрейку, шёл продавать к станции – кто купит, тот не выбросит, – и удачно продавал, потому что синеглазые и коричнево-кремовые котята всегда бывали необыкновенной красоты, от какого бы уличного уroda Барсетка их ни родила... Но однажды ушла кошка в загул – и не вернулась. Ночью Игорь не спал, обкурился до хрипа, а что толку? Ушла любимая, и не вернёшь её... Эх, да что вернёшь-не вернёшь, жива была бы, так и того не знаешь... Беда.

Вы уже догадались, конечно, что пропавшая кошка относилась к точно такой же породе, как тот пока безымянный кот, что спал на руках у пьяной шалавки.

Ну, в этом-то всё и дело.

Или, может, не в этом... Может, просто было судьбой так предназначено, то есть Господь решил, или что...

Как бы то ни было – но Игорь резко остановился, не дойдя до табачного ларька, повернул к каменному полукругу с рассевшимися на нём, как воробьи на проводе,

обитателями городского дна, приблизившись, осторожно тронул уголком своей сумки хозяйку животного за плечо и сказал следующие два слова:

– Кошку продай.

В ответ же услышал вот что:

– У этой кошки болт больше твоего, понял-нет? Отвали, моя черешня!

При этих несоразмерно грубых словах подошли и друзья Игоря, и один из них, кажется, Борис, немедленно включился в беседу.

– Закатай ты этой сосалке в лобешник, – сказал он по-деловому, – а кота за-бери. Хороший кот, тебе пригодится...

Борис знал о пристрастии Игоря и, желая сделать дружбану приятное, уже протянул руку, чтобы осуществить свою идею, но тут произошли сразу два события, переменявшие плавное течение рассказа.

Во-первых, хилая бомжишка заорала, что её убивают. Вопль её был таким густым, басовитым и невыносимо громким, что заглушил песню про неразделённую любовь, и милиционеры, оторвавшись от проверки паспортного режима, недовольно обернулись.

Во-вторых, кот резко проснулся, встал на коленях хозяйки в виде греческой буквы «омега» и желтоватыми, неожиданно большими клыками со всей дури цапнул протянутую руку, так что из неё сразу сильно потекла кровь.

Итак, скандал.

Укушенный Борис, естественно, гоняется за женщиной и животным с целью убить на хер.

Женщина, прижимая к зелёному свитеру свирепого кота, бежит перед метро кругами, прячась за случайными прохожими, шарахающимися от неё и тем самым усугубляющими неразбериху.

Аслан курит, уже купив в ларьке сигареты, и, будучи северокавказским человеком, стесняется и делает вид, что он тут, ну, типа, стоит просто.

Игорь молча протягивает в сторону убегающей сиреневые пятьсот рублей, надеясь таким образом рано или поздно привлечь её внимание и прекратить всю эту хренотень.

Менты, понятное дело, исчезли, им ещё не хватает с каждым котом разбираться.

Ужас, короче.

И можно было бы долго описывать развитие этого ужаса.

Как оказавшийся неожиданно пугливым и мнительным Борис пренебрёг планами мести и, высоко держа перевязанную носовым платком руку, быстро пошёл искать ближайший травматологический круглосуточный пункт, где ему могли бы сделать укол от заражения крови, столбняка и других последствий неизвестного кошачьего укуса. Ушёл Борис, да больше и не вернулся в наше повествование, нечего ему здесь делать.

Как громкоголосая девица успокоилась и спокойно отвергла и пятьсот предлагавшихся ей за кота рублей, и даже тысячу.

Как Игорь, потрясённый до глубины своей непривычной к настоящей любви души, стал за каких-нибудь десять-пятнадцать минут сильно уважать эту вроде бы ни в каком смысле не достойную уважения обычную бродягу и пьяницу, и даже не просто уважать, а восхищаться, чего с ним раньше никогда не происходило по отношению к людям.

Как предложил он ей, грязной и дурной с вечного похмелья, проехать с ним в посёлок Малаховка и там поселиться вместе с котом под присмотром мамани Марины Ивановны в обшитом сайдингом коттедже, места хватит, фактически осмотришься, а потом конкретно решим вообще.

Как Аслан сказал, что с этой билять в одной машине ехать не будет, слушай, она весь салон вонять будет, зачем её берешь, совсем как дурак. А Игорь его по-

слал туда, куда мужчина ни за что не пойдёт, а обидится на всю жизнь. Аслан и обиделся, и ушёл, плюнув от обиды Игорю прямо на длинноносый модный ботинок, но Игорь этого даже не заметил. Когда же Аслан вернулся через пять минут, решив простить дурака Игоря и продолжать пить его пиво и ездить на его джипе, то уже никакого Игоря возле метро не было. И джипа не было, и девичьи не было с котом, а остались только другие бомжи, по-прежнему сидевшие на каменном сыром бордюре, но теперь уже оживлённо беседовавшие между собой относительно того, когда эта глупая с котом вернутся на прежнее место – утром или ещё в середине ночи. Да еще менты были, тоже вернувшиеся на свое место и теперь проверявшие другого приезжего юношу с другой сумкой... Аслан постоял-постоял, ещё раз плюнул и исчез из рассказа следом за Борисом.

Итак, всё кончилось у метро.

Больше мы сюда возвращаться не будем, а поедem в поселок Малаховка, куда – с одной пересадкой в метро и ещё двадцать минут на электричке от Выхина – прибудем вскоре после самого Игоря с его внезапными возлюбленными. Как раз успеем к тому времени, как Марина Ивановна, женщина, в сущности, добрая, перестанет кричать и несправедливо обзывать девушку проституткой, но задумается, что же с новыми жильцами дальше делать. Сами-то жильцы после всех волнений уже крепко уснули на выделенном им старом матрасике недалеко от печки системы АГВ. Девушка спала на боку, подтянув, по обыкновению несчастливых или желудочно больных людей, колени к груди, а кот устроился сзади неё, как раз под коленями – лежал на спине, выставив все свои руки-ноги вверх, да так и замерев во сне. И Марина Ивановна их накрыла для дополнительного тепла своим старым пальто, всё равно его выбрасывать пора...

Конечно, тут можно было бы и оставить наших героев в покое, а читателей в неведении о дальнейших обстоятельствах существования в коттедже под голландской черепицей, что и по сей день стоит на улице Фрунзе в знаменитом подмосковном посёлке Малаховка... Однако не так мы воспитаны, чтобы бросать наши рассказы на самом интересном месте, не доведя их до логичного конца и соответствующей морали. Если же кому-то конец, который мы сейчас предложим, покажется как раз нелогичным и даже невероятным, как, собственно, и весь данный рассказ, то это, скажем так, не наши проблемы. Если у каких-нибудь читателей всё хорошее и благородное вызывает недоверие, то им с собой что-то делать надо. Потому что в жизни, даже в текущей, жестокой и неблагоустроенной жизни нашей быстро становящейся, но еще не ставшей на ноги страны, есть много хорошего и благородного. Просто об этом мало говорят и пишут, и слава Богу, потому что тем самым оставляют нам возможность написать такой вот, хоть и не святочный, но вроде того, рассказ, опубликовать его и прославиться, получив заодно и соответствующий гонорар. А? Ну, вот.

В общем, девушку, оказавшуюся наутро Галиной, немедленно принялись мыть и лечить от всего, что она нажила в бесповоротно миновавший мрачный период, и довольно скоро – организм-то молодой! – вылечили и от алкоголизма в популярной клинике, и от хламидиоза с циститом в соответствующем диспансере, и домашними средствами от гастрита с колитом, обычно мучающим людей неправильного образа жизни... После этого Галина принялась читать в неограниченном количестве книги, потому что ей больше делать нечего было, да и полюбила она это занятие, так что очень скоро, ну, буквально через год, стала культурной, милой и образованной девушкой, не говоря уж о том, что симпатичной внешне.

Дальше всё пошло быстро.

Игорь на ней, сами понимаете, женился.

Теперь эту молодую и счастливую семью можно иногда видеть делающей покупки в торговом центре – ну, в том, который на выезде из города по правой стороне, если в область. Молодой мужчина (он под влиянием начитанной жены перестал

носить, как бандит или политехнолог, всё черное) везёт тележку с продуктами, рядом идёт очаровательная молодая женщина, одетая скромно, но с большим вкусом. Они подходят к своему новому автомобилю, отнюдь не джипу, а обычной корейской практичной машине, и понемногу, помогая друг другу, сгружают продукты с тележки в багажник.

А сквозь выпуклое заднее стекло на них внимательно смотрит синими глазами лежащий на полочке позади сидений кот редкой породы – сиамский, но пушистый. Зовут его теперь за хороший аппетит Жорой, это Марина Ивановна придумала.

Знаете что? Если у вас нет кота или кошки, обязательно заведите. Заведите, заведите! Только, конечно, предварительно проверьтесь, нет ли у вас аллергии на кошачью шерсть, чтобы потом не мучиться. Но если аллергии нет – заводите, не раздумывайте. И тогда убедитесь, что от котиков бывает настоящее счастье.

Короче, до свидания.